

Времени мало, вода прибывает. Так перед съемками кричал — не помню его имени — режиссер, у которого снималась София Салвадор. И я каждый раз представляла себе, как мы сидим в аквариуме, наши руки судорожно скользят по стеклянным стенкам, а вода медленно подступает к подбородку, к ноздрям, к глазам.

Я засыпаю под наши старые пластинки, потом просыпаюсь — во рту пересохло, язык шершавый, как у кошки. Тяну рычаг кресла, рывком сажусь. Передо мной рассыпаны фотографии.

У меня хранится самая известная фотография Софии Салвадор — Бразильской Бомбы, Сеньориты Лимончиты, болтушки, сногшибательной красотки в переливчатых костюмах, с короткой, почти мальчишечьей, щипаной стрижкой, женщины, которая в зависимости от твоих возраста и национальности — шутка, символ борьбы, жертва, хищник, великий новатор; недавно один историк даже назначил ее «достойной самого серьезного исследования голливудской латиноамериканкой». На аукционе я купила и саму фотографию, и негатив, заплатив много больше, чем они стоили. Деньги

сейчас для меня ничего не значат, я безобразно богата и не стыжусь этого. В дни моей молодости музыканты делали вид, что успех и деньги — ничто. Честолюбие для исполнителя самбы, особенно для женщины, считалось чем-то непристойным.

На фотографии 1942 года у Софии Салвадор ее легендарная стрижка — короткие и неровные, будто рваные, волосы. Большие глаза. Рот открыт. Язык уперся в небо: непонятно, поет она или кричит. В ушах серьги в виде колибри в натуральную величину — блестят глазки из драгоценных камней, золотые клювы острые. Мочки ушей были объектом ее тщеславия, и София опасалась, что они растянутся под весом массивных вычурных серег. Хотя объектами ее тщеславия было все — ей приходилось быть тщеславной.

На шее у Софии золотая подвеска на ленточке, дважды обвивающей шею. Ниже — несколько ниток искусственного жемчуга, каждая жемчужина с глазное яблоко. Браслеты унижают руки до локтей — кораллы, золото. Каждый раз, когда я в конце дня снимала с нее все эти ожерелья и браслеты и она превращалась из Софии Салвадор (хотя бы на время) в Грасу, она взмахивала руками и говорила: «Какая я сейчас легкая! Вот возьму и улечу!»

Граса выгибала темные брови Софии так, что всегда казалась удивленной. А как подолгу она рисовала рот, знаменитый красный рот Софии Салвадор! Граса обводила контур, выходя за линию губ, и ее губы — как и все прочее в ней — становились преувеличенно-поддельными. Кто из них был настоящей? К концу своей короткой жизни Граса и сама не могла ответить на этот вопрос.

Снимок был сделан для журнала «Лайф». Фотограф поставил Грасу на фоне белого задника и велел:

— Притворись, что поешь.

— Почему «притворись»? — спросила Граса.

— Можно подумать, ты что-нибудь умеешь по-настоящему. — Фотограф считал, что известность дает ему право быть скотиной.

Граса уставилась на него в упор. Она очень устала. Мы вечно были уставшими. Я подписывалась на сотнях глянцевых фотокарточек за Софию Салвадор, пока Граса и парни из «Голубой Луны» тянули лямку восемнадцатичасового рабочего дня: съемки, примерка костюмов, кинопробы, репетиции, реклама последней музыкальной комедии с участием Софии. Но мы хотя бы не голодали, как раньше. Хотя раньше мы играли настоящую музыку — вместе.

— Ладно, притворюсь вежливой, — сказала Граса.

А потом открыла рот и запела. Люди помнят стрижку, громадные серьги, расшитые блестками юбки, но люди забыли ее голос. Когда она запела, фотограф едва не выронил свою камеру.

Я слушаю ее записи — наши ранние записи, когда она пела песни Винисиуса и мои, — и мне кажется, что ей все еще семнадцать и она сидит рядом со мной. Граса, с ее самодурством, чувством юмора, мелочностью, отвагой, с ее абсолютным эгоизмом. Такой она нужна мне — хотя бы на те три минуты, что звучит запись.

К концу песни из меня словно выкачивают все силы, я сижу и хлюпаю носом. Я представляю себе, что Граса здесь, подтрунивает надо мной, приводит в чувство.

Чего раскисла, Дор? — поддразнивает она. — *Рано списывать нас со счетов?*

Какой у нее чистый голос! Мне приходится напомнить себе, что она ненастоящая. Воображаемая Граса живет со мной дольше, чем прожила реальная.

Кому нужна реальная жизнь? — смеется надо мной Граса. (Она всегда над кем-нибудь смеется.)

Я трясу головой. Столько времени прошло — девяносто пять лет, если быть точной, — а я все еще не знаю ответа.

Моя нынешняя жизнь — сплошная тоска: я ковьялю по пляжу в обществе медсестры; совершаю вылазки в бакалейный магазин; после обеда я в кабинете, а вечером слушаю пластинки; терпеливо сношу бесконечный поток физиотерапевтов и врачей с их рекомендациями и унылым старанием. Я живу в огромном доме, окруженная наемными помощниками. Когда-то, давным-давно, мне хотелось такой легкой жизни.

Осторожнее с желаниями, Дор.

Поздно теперь быть осторожной, *amor**.

Теперь мне хочется, чтобы первые безалаберные тридцать лет моей жизни вернулись — с их жестокостью, жертвами, с их ошибками, непоправимыми ошибками. С моими непоправимыми ошибками. Если бы я могла послушать свою жизнь — положить ее на вертушку, как старую пластинку, — я бы слушала самбу. Не ту шумную, разухабистую, что грохочет на карнавалах. Не дурацкие *marchinhas***, бездарные однодневки, мыльные пузыри. Но и не ту, романтическую, что сродни доверительному разговору. Нет. Моей была бы *рода**** — самба, которую мы играли после работы, выпив стаканчик-другой чего-нибудь крепкого. Она начинается пред-

* Любовь (португ.).

** Букв. «маленький марш», мелодии комического характера, исполняемые во время карнавала. — *Здесь и далее примеч. перев.*

*** Самба де рода (португ. *roda* — круг) — круговая самба, самая древняя разновидность самбы, считается родом из Африки; импровизированный танец в кругу, участвуют обычно только женщины, задавая себе ритм хлопками. В Бразилии рода превратилась в музыкальный круг, когда музыканты импровизируют, вступая один за другим, подхватывая мелодию.

вестием несчастья, с хриплых выкриков куики*. Потом мало-помалу в роду вливаются другие — голос, гитара, тамборим, скрежет реку-реку**, — и из тихого вступления прорастает, становится полнее, гуще и глубже песня. В ней есть все признаки настоящей самбы (хотя и необязательно великой). В ней жалоба, смех, вызов, страстное желание, честолюбивые мечты, сожаление. И любовь. Любовь. Она вся — импровизация, и если там есть ошибки, я закрою на них глаза и продолжу играть. А под всем этим — остигато, главная колея, которая не меняется, не сворачивает. Этот ритм — как мерный шаг, и он никуда не девается. Я тоже здесь: единственная оставшаяся в круге, я вызываю из небытия голоса, которые не слышала десятки лет, прислушиваюсь к хору доводов, которых мне не стоило приводить. Я пыталась не слушать эту песню до конца. Пыталась утопить ее — в выпивке, во времени, в равнодушии. Но она все звучит у меня в голове и не затихнет, пока я не вспомню каждое слово. Пока не спою ее вслух, от начала до конца.

* Бразильский барабан, один из основных инструментов при исполнении самбы, по нему не бьют, а изнутри трут кожаную мембрану специальной палочкой, производя очень характерный визгливо-трескучий звук.

** Бразильский музыкальный инструмент родом из Африки, современная версия представляет собой коробочку с натянутыми пружинами, которые дергают палочкой; обязательный инструмент в самбе.